

Даже такой грубиян, как Чэн Ху, в этот момент не знал, что и сказать. Мы лично сопровождали тебя и обеспечивали безопасность, прояви же хоть капельку старания!

— Что значит быстро? Та тема была слишком простой, никакой сложности.

Сюй Ань раскрыл складной веер и небрежно бросил:

— Тьфу!

По площади тут же пронесся дружный свист и гул неодобрения.

Сюй Ань опешил. Отец же правду говорит, почему никто не верит?

Не верите, да? Сейчас этот молодой господин так ваши челюсти уронит — мало не покажется!

— Время вышло!

Прошла еще одна палочка благовоний, и голос евнуха Суня снова разнесся над площадью:

— Все участники состязания, встаньте со своих мест, начинается заклеивание имен и проверка работ.

Участники с обеих сторон немедленно поднялись со своих мест, после чего тут же выслали людей, чтобы те заклеили имена, собрали свитки, перетасовали их и доставили на стол Императора Юанькана.

Теперь у Императора Юанькана не было ни малейшей возможности заглянуть в работу Сюй Аня тайком.

— Раздайте их!

Ему оставалось лишь взмахнуть рукой, приказывая евнуху Суню передать свитки великим ученым во главе с Фань Мао и Кун Минчжэнем, чтобы те выбрали лучшее произведение.

Глава 20

— Старший молодой господин Сюй невероятно одарен, мы признаем свое поражение и снимаем шляпу, восхищены!

Тут кто-то из состава посольства Дун Юй не выдержал и насмешливо бросил в сторону Сюй

Аня.

Очевидно, недавние насмешки Сюй Аня практически сравнивали их всех с землей, и теперь, ухватившись за возможность, они, естественно, желали жестоко его унижить.

Разумеется, и остальные студенты из делегации Дун Юй тоже обернулись в его сторону, их взгляды были насмешливыми, а улыбки — зловещими.

— Разумеется. Как я уже говорил этому юному господину, я не имею в виду кого-то конкретно — все присутствующие здесь участники состязания просто мусор!

Сюй Ань гордо выпятил грудь и, глядя на говорившего юношу, с улыбкой произнес:

— Эти слова актуальны и по сей день!

Услышав это, лица Чжао Гао, Вэй Цзичжэна и остальных побелели, им стало стыдно показаться на глаза людям.

Этот дурень что, не слышит, что люди говорят с сарказмом? Он еще и воображает, будто его хвалят? Глупее некуда.

— Ха-ха, кто тут мусор, станет ясно через мгновение.

Тот человек с вызовом посмотрел на Сюй Аня и заявил:

— Надеюсь, когда это случится, посол Сюй все еще сможет улыбаться.

— Хорошо, после этого этот молодой господин обязательно улыбнется тебе на зависть.

Сюй Ань обмахивался веером, глядя на Цинь Вэньцзяня:

— Брат Цинь, я к тебе всей душой, подумай хорошенько. Примкнуть к моему бандформированию куда выгоднее, чем таскаться за этим Фань Мао.

— Какая там арифметика, геометрия, механика механизмов, география, карты, металлургическое производство и прочее — всему этому я могу тебя научить!

— Не нужно.

Цинь Вэньцзянь бросил в ответ три ледяных слова.

Вот же ублюдок!

Наблюдая за этой сценой, люди из посольства Дун Юй едва не лопались от злости.

— Проверка работ завершена, лучшие стихи отобраны!

В этот момент раздался голос евнуха Суня, мгновенно вернувший мысли всех собравшихся к действительности, и все дружно уставились на высокую трибуну.

Тогда вперед вышел ректор Гоцзыцзяня Кун Минчжэнь, окинул взглядом площадь и с улыбкой произнес:

— После отбора среди десятков экзаменационных работ поэзией, что вырвалась вперед и одержала верх, стала... «Ода о великой Птице Пэн»!

— Птица Пэн в один миг взмывает с попутным ветром, взвиваясь круто вверх на девяноста тысяч ли!

— Если бы ветер утих и она опустилась вниз, все равно смогла бы взбить в брызги воды Синего океана.

— Люди мира вечно находят мой лад необычным, завидев мои дерзкие речи, все лишь презрительно смеются.

— Учитель Кун умел трепетать перед молодежью, мужу негоже презирать юношество!

Хотя Кун Минчжэню уже перевалило за шестьдесят, стихи он читал зычным, раскатистым голосом.

Закончив слушать, все до единого прониклись глубочайшим потрясением: уже само вступление дышало безудержной удалью и устремлялось в самые небеса, заставляя кровь бурлить в жилах.

— Прекрасные стихи, прекрасные! Передают юношескую горделивую дерзость и грандиозный размах... как жаль...

Император машинально сжал кулаки, в глубине его глаз проступило глубокое разочарование.

В этот момент его сердце наполовину заледенело. Под влиянием тех старых упрямцев ученые мужи Великого Гань уже состарились и погрузились в сумеречную дремоту — кто из них еще способен сочинить столь исполненные жизнедеятельности строки?

Что же касается этого мелкого мерзавца Сюй Аня, то и подавно нечего ждать, ведь на выполнение задания у него ушло так мало времени...

Пожалуй, это творение вышло из-под кисти того юного гения из Дун Юй — Цинь Вэньцзяня!

Императрица тоже едва заметно вздохнула, в душе разделяя мысли императора.

Чжао Гао, Вэй Цзичжэнь и остальные, услышав стихотворение, тоже невольно опустили головы.

Они мнили себя одаренными поэтами, но перед лицом столь бессмертного шедевра они не стоили и ломаного гроша.

— Проиграли?

На городской стене Сяо Ланьэр горько улыбнулась.

Потерпеть поражение от рук создателя столь грандиозного шедевра — литературе Великого Гань... не стыдно проиграть в такой битве.

Сяо Юаньлан, Чэн Ху и остальные тоже приуныли.

— Это... кто же такое написал?

Мгновение спустя воцарившуюся тишину кто-то нарушил недоуменным вопросом.

— Я.

Сюй Ань выступил вперед, зажав в руке веер, отвесил толпе поклон и с улыбкой произнес:

— Прошу прощения, не удержался от демонстрации мастерства. Это стихотворение сочинил я, этот скромный молодой господин.

На площади воцарилось оцепенение.

Все уставились на Сюй Аня так, будто перед ними безумец!

— Ха-ха-ха...

Тут же по всей площади раскатился хохот, особенно бурно и развязно веселились посланцы Дун Юй.

— Сдал работу сразу после начала, и это ты написал? Ха-ха-ха... Да у тебя хватило совести присвоить это себе!

— До смерти смешно! Неужели литераторы Великого Гань до того жалки? Это определенно написал наш старший брат Цинь!

— Если это и правда его рук дело, я целиком сожру этот стол!

— ...

Услышав эти издевки, даже у Императора уши запылали от стыда.

Мелкий мерзавец, и в такой момент ты продолжаешь портить мне нервы? Неужели ты думаешь, что у меня не хватит духу с тобой расправиться?

На стене Сяо Ланьэр от злости сжала хрупкие кулачки, ее прелестное личико покрылось ледяной коркой. Этот дурень — раз проиграл, так проиграл, литература Великого Гань не боится поражений, к чему же так позориться перед всеми?

Вэй Цзичжэнь, Чжао Гао и прочие тоже полыхали гневом, готовые разорвать Сюй Аня на куски.

Хочешь позориться — позорься в одиночку, не втягивай литературу Великого Гань разделять с тобой этот срам!

Чжан Аньши, Цинь Дехай и остальные с замиранием сердца наблюдали за происходящим: чем яростнее скачет этот транжира, тем страшнее будет его кара после окончания состязания.

Фань Мао по-прежнему гладил длинную бороду, вот только насмешки в его улыбке достигли предела.

Даже Юйвэнь Ху, тихий дунъюйский принц, который до этого держался незаметнее всех, теперь лишь слегка покачал головой: повеса есть повеса, не стоит и внимания!

Только императрица при этих словах чуть прищурилась, и в ее сердце неожиданно шевельнулось смутное предвкушение.

Во дворце этот малец вел себя точно так же, неужели... неужели и впрямь он?

— Тьфу, да что ж вы за люди такие, почему не способны воспринять правду?

Сюй Ань почувствовал себя уязвленным, засучил рукава, собираясь высказать все как есть, но Сяо Юаньлан уже оттащил его назад, с покрасневшим лицом умоляюще шепча:

— Братец, умоляю, зову тебя старшим братом, заткнись ради всего святого! Хватит чудить, мой меч уже с трудом поддается усмирению...

Сюй Ань: «...»

Тьфу, и ты, большеглазый наследный принц, мне не веришь?

Выходит, я тут распинаюсь в полном одиночестве?

— Кто автор сего творения — давайте пока сохраним интригу. Сперва насладимся этой песней в жанре цы, а уж после вместе сорвем бумажные полоски с именами и все всем объясним.

Фань Мао с улыбкой поднялся с места, указав на свиток в своей руке:

— Цы в моих руках — тоже бессмертный шедевр, называется оно «Шэн шэн мань».

— Ищу-ищу, скитаюсь-скитаюсь, холодно-одинокое, скорбно-тоскливо, тяжело-печально. В час обманчивого тепла и возврата холодов труднее всего пережить недомогание. Чаша-две слабого вина — как противостоять им в вечернюю пору, когда всюду бушует холодный ветер! Вот пролетели дикие гуси, и сердце сжимается от боли — а ведь это старые знакомые.

— На земле грудками лежат желтые хризантемы, изнуренные и увядшие, кто теперь отважится их сорвать? Сидя у окна, как одиноко дожидаться темноты! Да вдобавок моросит мелкий дождь по увядшим стерням тунгового дерева, к самому вечеру — кап-кап, капля за каплей. В такой череде событий — как уместить это в одно-единственное слово «тоска»!

После прочтения этой цы площадь вновь погрузилась в гробовую тишину.

Если прозвучавшая ранее «Ода о великой Птице Пэн» выражала всю буйную удаль и кипучую энергию юности, то эта песня цы являла собой ее полную противоположность.

Каждое слово и строчка этой цы блуждали в унылых тенях, источая щемящую, невыразимо скорбную мелодию. Казалось, будто слышишь, как глубоко несчастный человек шепотом изливает душу: она еще ничего не сказала, а ее печаль уже затапливает сердца, вызывая жгучую жалость...

Стихотворение и цы — две совершенно разные манеры письма, выражающие диаметрально противоположные чувства, но производящие одинаково потрясающее впечатление!

Даже Император, Императрица и принцесса Сяо Ланьэр на городской стене — все они застыли, погруженные в атмосферу произведения.

— Оказывается... вот что такое тоска!

Спустя долгое время кто-то произнес это вполголоса.

— Хе-хе, быть может, эта цы тоже написана преисполненным талантов маленьким герцогом Сюй?

Среди дунъюйцев кто-то бросил насмешливый взгляд на Сюй Аня и ехидно усмехнулся.

Стоило прозвучать этим словам, как многие рассмеялись: два столь непохожих литературных стиля... Если только Сюй Ань не небожитель, разве под силу смертному одолеть оба?

Тьфу ты, да кого вы тут за дурака держите?!

Сюй Ань было дернулся выйти вперед, но Сяо Юаньлан мертвой хваткой вцепился в него, категорически запрещая снова лезть на рожон.

Но разве можно стерпеть такое?

Сюй Ань стерпеть не мог!

— Эй, старик Вэй, имеешь смелость — сорви бумагу с именами, давай проверим, не мой ли это шедевр.

Обратился Сюй Ань к Фань Мао.

— Что ж, хорошо, давайте сорвем бумажные полоски с именами!

Фань Мао обеими руками передал экзаменационные свитки Императору Юанькану и с улыбкой произнес:

— Эту честь подобает совершить Вашему Величеству.

В груди Императора Юанькана в ту же секунду взметнулась буря ярости: старый вор Фань, да

ты же бьешь наотмашь, душу вынимаешь!

На лице Императора не дрогнул ни единый мускул, но в душе бушевало пламя.

Сорвешь полоски, а если среди поэтов не окажется ни единого уроженца Великого Гань — разве это не оплеуха ему, Императору?

Выходит, он правит скверно, раз литература Великого Гань докатилась до столь глубокого упадка, что некому сочинить хотя бы сносное стихотворение.

Но беда была в том, что старый лис Фань Мао предложил это столь гладко, что отказать у него не было ни малейшего повода.

Как правитель Великого Гань, срывать бумажные полоски и оказывать покровительство талантам — его прямая обязанность, и он просто обязан был это сделать.

Поэтому выходка старого Фаня была не только безупречной, но и донельзя благовидной, к ней придраться не получалось.

— Хорошо, тогда эти полоски я сорву сам.

Императору Юанькану оставалось лишь подавить растущее недовольство и с улыбкой принять оба свитка.

Площадь вмиг затихла.

Все взгляды разом устремились на Императора Юанькана.

Глава 21

— «Ода о великой Птице Пэн» в полной мере передала юношеский пыл и высокие устремления, придясь мне по сердцу. Срываю полосу с именем: кто бы ни был создателем, я щедро одарю его!

На лице Императора сияла приветливая улыбка, он приподнял руку и сорвал маскирующую полосу: — Дай-ка взглянуть, создатель этой «Оды о великой Птице Пэн» — это...

Имя еще не сорвалось с губ, а Император уже застыл на месте!

Его дыхание тут же сделалось тяжелым и частым, а руки слегка задрожали.

Глаза же его в упор уставились на заветное имя, моргая снова и снова — словно он боялся поверить собственному зрению.

— Сюй Ань!

Там красовались два иероглифа: Сюй Ань.

— Неужели... неужели это и вправду тот никчемный ублюдок? И вправду он?!

— Столь исполненное бодрости и устремленное на тысячу ли вдаль стихотворение... неужели и вправду вышло из-под пера этого парня?!

— Верно ведь, этот поганый малец — из тех, кто не боится ни бога, ни черта. А уж кому, как не ему, тягаться в живости и удали!

Император сжимал свиток, его остолбеневшее лицо постепенно заливалось румянцем, и он не выдержал, разразившись хохотом: — Ха-ха-ха... Прекрасно, отлично, просто великолепно!

Все вокруг замерли, наблюдая за этой сценой.

Уж не сошел ли Его Величество с ума оттого, что автором оказалась вовсе не жительница Великого Гань?

— Ваше Величество...

Императрица тоже с тревожным сердцем устремила взгляд на Императора: она слишком хорошо знала, какое значение тот придает положению дел в отечественной литературе, и боялась, как бы у государя не приключился удар от переживаний.

— Ха-ха-ха... Я в полном порядке, я просто счастлив!

Император высоко взметнул свиток над головой, и его зычный голос раскатился над площадью:

— Объявляю во всеуслышание: автором «Оды о великой Птице Пэн» является... Сюй Ань из Великого Гань!

Сюй Ань из Великого Гань!

Эти четыре слова громом раскатились под сводами неба, отражаясь эхом от стен.

Услышав это имя, все присутствующие онемели!

Фань Мао, с улыбкой ждавший позора императора, вмиг застыл с кривой гримасой, едва не выкрикнув: вы что, ошиблись именем?!

Чжан Аньши и Цинь Дехай предвкушали провал Сюй Аня, чтобы в союзе с цензорами и чиновниками обрушить на отца и сына сокрушительную серию ударов.

Но услышав это, оба превратились в каменные изваяния, чувствуя, как над их головами полыхают небесные молнии!

Этого не может быть!

Сюй Ань?

Как мог автором оказаться Сюй Ань?!

Он же просто транжира, с какой стати ему слагать стихи? Наверняка где-то произошла ошибка, это невозможно!

Они отказывались верить в происходящее.

На крепостной стене Сяо Ланьэр, услышав, как Император выкрикивает имя Сюй Аня, в ужасе прикрыла рукой тонкие губы, охваченная глубочайшим потрясением.

Сюй Ань?

Этот негодяй не лгал?!

И эта устремленная ввысь поэзия — неужели и вправду плод его разума?

Правда ли это?!

Она все еще не могла в это поверить.

Цинь Вэньцзянь резко повернулся к Сюй Аню, и на его прекрасном лице застыло крайнее изумление.

И впрямь он?! Выходит, то стихотворение о красавице в Баэнь Ясной Луны тоже написал он, а не кто-то передал ему готовое?

Но как такое возможно? Сколько он простоял у стола — едва ли заварка успела завариться!

За столь краткий миг он сумел родить этот вечный шедевр?

Юйвэнь Ху резко выпрямился, уставившись на Сюй Аня столь острым взглядом, что искры летели: судя по всему, он жестоко просчитался, этот парень с самого начала лишь притворялся слабаком!

Чжао Гао, Вэй Цзичжэн и остальные вытаращили глаза, пребывая в абсолютном неверии.

Сюй Ань? Почему Сюй Ань? Как это мог быть Сюй Ань?!

Они бы стерпели любого другого автора, но только не его — бездельника и транжиру! С какой стати ему создавать бессмертный шедевр? Чем он заслужил?

Он не достоин!

Посольство Дун Юй тоже безмолвствовало. Те самые наглецы, что громче всех орали минуту назад, теперь стояли багрово-свекольные, словно кто-то от души отхлестал их по щекам.

Сюй Ань... и вправду он!

А они все это время позволяли водить себя за нос, как каких-то макак.

Сяо Юаньлан все еще цепко держал Сюй Аня за рукав, но его тело одеревенело. Пытаясь что-то сказать, он лишь беззвучно шевелил побелевшими губами.

Выходит, его названный брат и впрямь обладает столь великим даром.

Выходит, его близкий друг действительно способен слагать стихи, полные столь мощной духовной силы.

А он... он ведь не верил ему!

Тот верил в него, заботился о нем на каждом шагу, а он — не верил! Да еще и стыдился его... что за дружба после этого?

Чэн Ху и прочие сыновья военачальников тоже остолбенели. Пусть они не смыслили в поэзии, но по лицам окружающих было ясно: их братан отмочил нечто грандиозное!

А императрица давно уже проскользнула к императору и, глядя на знакомое имя, едва сдерживала триумфальное ликование.

Недурно, не разочаровал эту госпожу!

Сюй Сяо яростно тер руки, его лицо кривилось от титанических усилий сдержать хохот: император смеялся слишком открыто, ему же положено соблюдать приличие...

Впрочем, на душе у него сейчас пели птицы!

Ха, и кто смел называть мое дитя бродягой?! Мой сын — величайший книжник во всем мире!

— Ну что вы застыли с такими кислыми минами?

Сюй Ань вышел вперед, гулко хлопнув в ладоши:

— Эй, эй, алло, возвращайтесь в реальность! Я же заранее говорил, что это моих рук дело, а вы не верили. Ну что, щеки не горят?

— А кто тут у нас из Дун Юй? Да, к тебе обращаюсь, обернись!

Сюй Ань махнул рукой в сторону того самого юноши из Дун Юй, что недавно его оскорблял, расплывшись в широчайшей улыбке:

— Ну как, этот молодой господин оправдал твои ожидания? Как впечатления, сюрприз удался?

Услышав это, посланцы Дун Юй вновь вспыхнули от стыда: хотелось бы возразить, но язык не поворачивался вымолвить ни слова.

Наблюдая за наглым позерством Сюй Аня, толпа кривилась в гримасах — этот тип умел всадить нож в самое сердце!

— Старец Фань, похоже, вашим дунъюйским ребятам придется поднатужить силы! Нельзя же позволять молодежи Великого Гань уходить в столь сильный отрыв.

Опомнившись, Император Юанькан с улыбкой глянул на Фань Мао. Накопившаяся на сердце горечь наконец-то вышла наружу, и все тело пронзило сладкое, пьянящее чувство абсолютного триумфа.

Было бы глупо не вернуть старику недавнюю насмешку!

Фань Мао подавил удушливую волну досады в груди — мол, впереди еще цы, куда ты спешишь? — но внешне выказал максимум учтивости:

— Вы правы, наши студенты непременно удвоят старания.

— А теперь пусть Ваше Величество соизволит вскрыть интригу с авторством этой цы!

Теперь спасти лицо Дун Юй и отыгаться могло только поэтическое произведение в жанре цы.

Глава 22

Император Юанькан со смешком кивнул.

Он отлично понимал, что Фань Мао жаждет отыгаться.

Но ничего страшного, можно и уступить старику ради приличия.

Раз уж мощная заявка в виде воодушевленной «Оды о великой Птице Пэн» за авторством Сюй Аня уже спасла престиж двора, то почему бы не отдать им победу в жанре цы?

— Не утруждайте себя лишними хлопотами, это тоже написал я.

Однако не успел император раскрыть рот, как донесся самодовольный голос Сюй Аня.

Выпятив грудь, он горделиво стоял посреди площадки, крутя пальцами складной веер, воплощая собой образ уставшего от побед гения.

Все взгляды вновь скрестились на Сюй Ане. Увидев его мину, народ дружно заскрежетал зубами: ты написал? Мало того, что способен взывать к высоким идеалам, так еще и тоскуешь о разбитой любви в женском обличье?

Ты что, возомнил себя бессмертным небожителем?!

Даже Фань Мао больше не мог усидеть на месте и лично вступил в игру.

— О? А у маленького герцога Сюй поистине завидная уверенность в себе!

Он смотрел на Сюй Аня сверху вниз, пронзив его колючим взглядом:

— Но заметьте, стихотворение и цы написаны в совершенно разных манерах: первое звучит широко и дерзко, вторая же полна нежной утонченности. Неужели юный герцог намекает... будто владеет обоими стилями разом?

— Подумаешь! Этот молодой господин много чего умеет.

Сюй Ань щелчком сложил веер и произнес с серьезным видом:

— Всякие там романтические поэзии, стихи о пограничных заставах, пейзажная лирика и прочее — нет жанра, который был бы мне не по зубам.

Услышав сие заявление, толпа остолбенела.

Сколь сложны и многогранны поэтические течения! Любой книжник, сумевший досконально постичь хотя бы одно из них, считался выдающимся мастером, способным обессмертить свое имя в веках.

А этот молокосос заявляет, что владеет ими всеми?

Как такое возможно?

Сколько ему лет? Всего восемнадцать!

За каких-то восемь □□□ лет освоить то, что другие не могут осилить за всю жизнь? Чистой воды бред сумасшедшего!

На крепостной стене лицо Сяо Ланьэр также перекошилось от гнева.

— Наглец! «Оды о великой Птице Пэн» тебе мало для хвастовства, так ты еще и на «Шэн шэн мань» посягаешь?

— Разве под силу такому повесе воспроизвести столь щемящую, утонченную тоску?

Скрипя зубами, проговорила она ледяным тоном.

Чжан Аньши, Цинь Дехай и прочие тоже сжали кулаки, втайне моля небо, чтобы эта цы не имела к Сюй Аню никакого отношения.

Если стихи в жанре цы написал кто-то другой, значит, ничья, и у них еще останется шанс переломить исход битвы.

Иначе они проиграют подчистую.

<http://bllate.org/book/19190/1884730>